

4. Букин С. С. Формирование индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе / С.С. Букин, А. А. Долголюк, В. И. Исаев, А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2011. — 336 с.
5. Долголюк А. А. Опыт стабилизации строительных коллективов районов нового освоения Сибири в 1950–1980-х гг. / А. А. Долголюк // Формирование и адаптация населения в районах нового индустриального освоения Сибири : сб. науч. тр. — Вып. 2. — Новосибирск, 2007. — С. 126–149.
6. Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. / А. А. Долголюк — Новосибирск : Параллель, 2013. — 508 с.
7. Долголюк А. А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980 / А. А. Долголюк. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. — 241 с.
8. Ермаков А. В. Изменение численности и состава строителей Енисейского каскада гидроэлектростанций / А. В. Ермаков // Социальные аспекты индустриального развития Сибири. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1983. — С. 91–101.
9. Ефимкин М. М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма / М. М. Ефимкин — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. — 158 с.
10. Куприянова З. В., Мищенко В. В. Формирование квалифицированных рабочих кадров в строительстве / З. В. Куприянова. — Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1983. — 168 с.
11. Рабочая книга социолога / под ред. Г. В. Осипова. — М. : Наука, 1977. — 512 с.
12. Строительство в России. 2000 : стат. сб. — М., 2000. — 196 с.
13. Шпарог Ю. А. Кадры капитального строительства. Историко-экономический очерк / Ю. А. Шпарог. — Новокузнецк : Б. и., 1972. — 112 с.

Информация об авторе

Долголюк Алексей Алексеевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Author

Alexey A. Dolgolyuk — Doctor habil. (History), Senior Staff Scientist, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: dolgalal@mail.ru.

УДК 343.255.6(571.54/55)

ББК 63.3(0)53

А.А. ИВАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА ИРКУТСКА КОНЦА XIX ВЕКА В МЕМУАРНОМ НАСЛЕДИИ И.И. ПОПОВА

Анализируется история политической ссылки Иркутска и Иркутской губернии конца XIX — начала XX в. по материалам трех изданий мемуаров И.И. Попова «Минувшее и пережитое».

Ключевые слова: политические ссылки, Иркутск, общественная жизнь.

POLITICAL EXILE OF IRKUTSK OF THE END OF THE 19TH CENTURY IN MEMOIRS HERITAGE OF I.I. POPOV

History of a political exile of Irkutsk and the Irkutsk province of the end of XIX — the beginning of the XX century on materials of three editions of memoirs of I.I. Popov «Passed and endured» is analyzed.

Keywords: political exiled, Irkutsk, public life.

Иван Иванович Попов (1862–1942), народоволец, политический ссыльный, отбывавший наказание в Забайкалье, а с 1894 по 1906 г. живший постоянно в Иркутске, был хорошо известен современникам-иркутянам не только как член городской думы и редактор-издатель газеты «Восточное обозрение». Не меньшую популярность ему принесли автобиографические записки, в которых автор подробнейшим образом описал и попытался изучить историю развития общественной и политической жизни Иркутска 1888–1906 г.

Для исследователя истории сибирской политической ссылки конца XIX — начала XX в. воспоминания И.И. Попова, безусловно, имеют подлинный научный интерес. Это ценнейший историографический источник, который позволяет современному ученому в значительной мере восполнить имеющийся в его распоряжении весьма бедный материал о колонии ссыльных в Иркутске — численности, партийном и профессиональном составе, образе жизни, трудовой занятости, формах участия в общественно-оппозиционном движении. Наконец, здесь содержится большое количество событийного материала, данного в четкой хронологической последовательности, подобранного и сгруппированного в проблемном ключе: ссылка и журналистика, ссылка и революционная деятельность; ссылка и профессиональное движение иркутских рабочих; ссылка и культурное развитие региона; внутренний мир колонии и т. д.

В настоящей статье рассмотрим три издания книги И.И. Попова «Минувшее и пережитое». Первое издание называется «Сибирь и эмиграция». Книга создавалась уже в советское время, в самом начале 1920-х гг. Здесь приводятся десятки, если не сотни имен современников Попова — его ссыльных товарищей, общественных деятелей, государственных служащих, друзей и близких автора. Двадцатилетний сибирский период автора был поистине переполнен заметными социально-политическими событиями из жизни страны, Иркутска и Забайкалья [8].

Второе издание книги — «Минувшее и пережитое. Из воспоминаний» увидело свет через девять лет после первого, в 1933 г. В предисловии автор указывает, что первая книга его воспоминаний, изданная

издательством «Колос» в 1924 г., была встречена и читателями, и критикой благожелательно, во всяком случае, Попов не знает ни одного отрицательного отзыва. Книга не пылилась на полках магазинов, и через три месяца была распродана. Однако автору была поставлена на вид «сжатость» и даже «скудость» изложения, поэтому он постарался значительно дополнить новый том, как собственными воспоминаниями, так и указаниями критиков. Особенно для автора были ценны указания С. Валка, а также старых ссыльных — В. Бодаев, А. Гедеоновского, Н. Чарушина и других — что, в конце концов, и подвигло его ко второму изданию, которое он «оживил» не только фактическим материалом, но и фотографиями, портретами многих революционеров [9].

Заключительная книга трилогии имела при создании довольно длинное название — «Минувшее и пережитое. От «чеховских сумерек» к революции. Ссылка в печати, науке и общественности» и была закончена автором уже в 1925 г. Во многом ее содержание перекликается с первым и вторым изданиями воспоминаний, где-то их дополняя, уточняя и конкретизируя. Однако рукопись этой книги прочно «легла в стол» и увидела свет лишь в 1989 г. под названием «Забытые иркутские страницы: Записки редактора». Рукопись подготовил к изданию известный советский краевед и библиограф Е.Д. Петряев, а начинал обрабатывать, видимо, сын Ивана Ивановича, Александр Иванович, умерший в 1966 г. [7].

Надо заметить, что воспоминания И.И. Попова — далеко не единственный мемуарный источник по истории политической ссылки Иркутска и Иркутской губернии. Хорошо известны специалистам книги и статьи М. Ветошкина [1], М.А. Кроля [4], В.Е. Мандельберга [5], Б.З. Шумяцкого [11], также основанные на личных воспоминаниях. Однако мемуары Попова выгодно отличаются от перечисленных. Прежде всего, его книги охватывают значительный временной отрезок — более 24 лет, с 1882 по 1906 г.; во-вторых, как это ни странно может показаться на первый взгляд, они практически не тронуты официальной советской идеологией 1920–1930-х гг., на их страницах нет «плакатных» революционеров, беспощадно борющихся с «царскими сатрапами», а автор, повествуя о политической жизни города на рубеже двух столетий, старается быть беспристрастным и одинаково правдиво рассказывает и об узости большевистской нелегальщины, и об активном участии различных демократических слоев в местном самоуправлении, и о гибкой позиции официальных губернских властей, зачастую поддерживавших либерализм городской общественности.

Первые воспоминания об Иркутске датированы у И.И. Попова маем 1888 г., когда ему разрешили привезти сюда из Кяхты больную супругу. Попов провел в городе «почти два месяца», остановившись сначала «у Громовых», а затем у М.А. и В.И. Натансонов. Колонию ссыльных этого времени автор определяет «большой», сразу выделяя в ней два цен-

тра, один из которых группировался вокруг редакции газеты «Восточное обозрение», другой — «конторы И.Ф. Громова». «Контора Громова наполовину состояла из политических ссыльных, — вспоминает автор. — На Лене, в Якутске и Якутской области среди служащих Громова политические ссыльные составляли значительный процент». И.И. Попов с заметной симпатией пишет о Гронове — известный предприниматель считал ссыльных «великолепными работниками» и честными людьми, а на замечания генерал-губернатора А.Д. Горемыкина о том, что у него работают только государственные преступники, неизменно отвечал, что «ему нет дела до убеждений политиков» [8, с. 118].

Автор быстро «перезнакомился со всеми ссыльными». Наиболее значительной фигурой городской колонии, по его мнению, был Марк Натансон. Он был «старейшим революционером в Иркутске», его уважали товарищи, а «молодежь благоговела перед ним». Марк Андреевич пользовался большим авторитетом не только у революционеров. Громов, у которого тот управлял конторой, «почитал и побаивался его». Губернская администрация относилась к Натансону «с предупредительной деликатностью», «как бы тоже побаивалась». Ссыльные «уважали Марка», подтрунивая иногда лишь над его страстью к излишней конспирации — в небольшом провинциальном Иркутске каждый «политик» был на виду и власти прекрасно были осведомлены о связях революционеров с городским обществом, об их партийных пристрастиях политических высказываниях. Не следует забывать и то, что письма ссыльнопоселенцев подлежали обязательной перлюстрации, и жандармское управление могло, пусть и не без труда, в деталях проследить их контакты не только внутри губернии, но и с городами Европейской России и за границей.

Недалеко от Иркутска, в селе Лиственничном, на Байкале, проживал М.П. Сажин с женой, урожденной Е.Н. Фигнер, сестрой более знаменитой В.Н. Фигнер. Как следует из авторского текста, Сажин едва ли уступал по «значимости» Натансону. «Не знаю, кто из них был старше, — пишет автор. — Обоим тогда было около 40 лет». Двадцатишестилетнему Попову «около 40» казалось глубокой старостью, окончанием активной политической борьбы. На самом деле, у того же М.А. Натансона большая часть политической жизни была еще впереди: после окончания первой ссылки он покинет Иркутск, в 1893 г., будучи в Европейской России, объединит своих единомышленников в партию «Народного права», затем будет арестован и снова сослан в пределы Иркутской губернии.

Иркутских ссыльных конца XIX — начала XX в. И.И. Попов делит на «оседлых» и «проезжих». Однако такое деление было во многом условным, те и другие со временем «перемешивались» — «проезжие», отбыв свой срок в Забайкалье или Якутии, оседали в Иркутске, «иркутяне» же за свою активную оппозиционную деятельность и «плохое поведение» нередко следовали «на казенный счет» на север. Приведем здесь имена

всех ссыльных, проживавших в Иркутске и упомянутых Поповым в трех изданиях воспоминаний (это важно, так как материалы жандармского ведомства не имеют столь исчерпывающих списков): Г.З. Андроников, В.Г. Богораз (Тан), Е.К. Брешко-Брешковская, М. Войнич, Ф.В. Волховский, А.Л. Гаусман, А.В. Гедеоновский, Н.Л. Геккер, Н.И. Глушков, В.С. Голубев, Горинович, В.В. Демьяновский, П.Г. Зайчневский, В.С. Ефремов, В.И. Иохельсон, Д.А. Клеменц, Кленов, С.Ф. Ковалик, Е.Н. Ковальская, Ф.Я. Кон, И.О. Концевич, Л.Б. Красин, Криль, М.А. Кроль, П.Е. Кулаков, Ф.Н. Левандовская, А.Г. Лури, Д.Г. Любовец, С.Я. Лянды, И.И. Майнов, В.Е. Мандельберг, В.И. Натансон, М.А. Натансон, Н.К. Паули, Ф.Ю. Рехневский, М.И. Ромм, М.П. Сажин, Ю.И. Старынкевич, В.С. Свитыч-Иллич, В.Л. Серошевский, П.А. Сикорский, С.Г. Стахевич, Я.В. Стефанович, Е.Н. Фигнер, М.И. Фундаминский, Г.М. Фриденсон, С.Л. Чудновский, О.О. Шиллингер, А.Н. Шипицын, Б.П. Шостакович, С.В. Ястрембский. Итого 51 фамилия, — наверняка это не вся колония, но, по крайней мере, ее бо́льшая и активнейшая часть.

По воспоминаниям Ивана Ивановича, в Иркутске ссыльные имели несколько центров. Наибольшее количество «политиков» группировалось все же вокруг «Восточного обозрения». Объединенные потребностью в творчестве, возможностью выразить свое политическое сгедо, стремлением быть в курсе местных событий, здесь мирно уживались народники всевозможных оттенков, а позднее — эсеры и социал-демократы. При подготовке «Забытых иркутских страниц» к изданию Е.Д. Петряев, основываясь на материалах редакции «Восточного обозрения», а также сведениях, «полученных от компетентных лиц, и в первую очередь, от Александра Ивановича Попова», выявил около 700 имен авторов, писавших в газету и «Сибирские сборники». По крайней мере, каждый четвертый-пятый из этого числа, по нашим подсчетам, был из бывших или настоящих ссыльных, проживавших в это время в Иркутске, Сибири или даже далеко за ее пределами и корреспондировавших даже из-за рубежа [7, с. 341–372].

Организаторский талант И.И. Попова, а также материальная поддержка всех его начинаний А.М. Лушниковым, принесли закономерные плоды: газета из убыточного предприятия быстро превратилась во вполне рентабельное, стала выходить ежедневно, а не три раза в неделю, и как следствие — значительно увеличила свои тиражи, доведя их до 20 тыс. экземпляров (1905 г.). «...В течение 12-ти лет, — писал Попов в первом издании, — я руководил сибирским общественным мнением, вел газету, которая являлась авторитетным и всеми принятым толкователем сибирского направления, заветов Ядринцева и Потанина. Я — не сибиряк — стал идейным руководителем сибирского общественного мнения и толкователем сибирского мирозерцания... Положение редактора дало мне связи, открыло такие тайники, которые были недоступны про-

стому смертному. Я переписывался, сносился со всевозможными лицами, проникал в отдаленные уголки Сибири, говорил с властями, не исключая генерал-губернаторов, таким языком, каким с ними другие не говорили. Со мной считались...» [8, с. 5].

Сам И.И. Попов направление своей газеты считал «радикально-демократическим». И действительно, газета осенью 1905 г. показала себя не только прекрасным пропагандистом социалистических идей, но и умелым организатором массовых забастовочных выступлений иркутских рабочих, служащих, учащейся молодежи. Объективную оценку роли Попова и редакции в революционных событиях хорошо передает донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления в Петербург от 19 декабря 1905 г.: «Местная газета «Восточное обозрение» положительно разжигает страсти неспокойного элемента. Во всех статьях этой газеты только и проводится мысль о непригодности в России существующего общественного и государственного строя. Восхваляются все политические преступления, действия забастовщиков, комитетов, собраний, союзов и стачек в городах России и здесь. Редактор газеты И.И. Попов ... все сотрудники газеты — лица с темным прошлым, сомнительным настоящим, о нравственных устоях и порядке даже намек нет, они только ярые сторонники переворота в России, о политической благонадежности их говорить не приходится» [2, л. 11].

Помимо «Восточного обозрения», часть иркутских «политиков» группировалась вокруг квартиры В.А. Ошуркова, прежнего редактора газеты «Восточное обозрение», «убежденного областника». Здесь собирались люди, занимавшиеся «чистым культурничеством» — преподаватели иркутских училищ и гимназий, в основном, женщины, а также публика, активно писавшая в газету. «Все эти учительницы, — вспоминал Попов, — были идейный народ, прекрасно вели дело, хорошо поставили воскресные школы, народные чтения, принимали активное участие в общественной жизни Иркутска». Политический ссыльный активный народник и «якобинец» П.Г. Зайчевский с большой долей сарказма называл квартиру Ошуркова «Институт небесных ласточек», а самого хозяина — Флоридором. [9, с. 140].

Другими местами сосредоточения политической ссылки в Иркутске были музей ВСОРГО, правление Забайкальской железной дороги, а также упомянутая уже иркутская контора купцов Громовых. Так как И.И. Попов, помимо обязанностей редактора «Восточного обозрения», был еще и консерватором музея, то у генерал-губернатора Горемыкина однажды родилась весьма остроумная шутка, свидетельствующая, помимо прочего, и о весьма либеральных взаимоотношениях политических ссыльных и властей Иркутска, во всяком случае, до событий 1905 г.: «Не хватает еще, чтобы А.И. Громова перевела в музей свою контору! Тогда все штаб-квартиры политических соберутся в одном месте!» [8, с. 214].

В год пятидесятилетнего юбилея общества (1901 г.) на торжествах в Иркутске И.И. Попов произнес большую речь, в которой сделал краткий экскурс в историю Великих географических открытий, подчеркнув, что Россия также внесла свой значительный вклад в познание неизведанного мира. При этом важно, что созданное относительно недавно Географическое общество поставило своей целью изучение не далеких континентов, но необъятного пространства своей родины, а также сопредельных с ней стран Азии. Само Географическое общество Попов сравнил с «продолжателем дела тех русских, которые еще в XVI в. начали свои исследования по направлению на Восток». По его мнению, учреждение отделений Общества на окраинах империи не только «внесло оживляющую струю в захолустную жизнь окраин, в том числе, и Сибири, но и «немало содействовало возбуждению интереса к общественным делам». «Русское географическое общество, — обоснованно заключал докладчик, — всегда отличалось широтой инициативы, всегда шло впереди общественного движения и для своего исследования выбирало вопросы, имеющие общегосударственное и народное значение...» [10, с. 105, 108, 109].

Из ссыльных, бывших в Иркутске проездом, И.И. Попов называет А.Л. Гаусмана — «последнего из могикан-народовольцев», следовавшего в Средне Колымск с семьей на свой счет. Дальнейшая судьба Гаусмана трагична. Он доехал до Якутска, и там, вместе с несколькими десятками ссыльных, ждал окончания распутицы и отправки к месту причисления. Внезапно якутский вице-губернатор издал предписание о немедленном отъезде ссыльных из города. При этом «политикам» не дали возможности подготовиться к трудной дороге и закупить провизию. Возмущенные произволом, ссыльные подали коллективное прошение. Тогда местный полицмейстер 22 марта 1889 г. собрал более 30 ссыльных в доме якута Монастырева и попытался арестовать наиболее инициативных. Ссыльные оказали сопротивление, в ответ на которое солдаты применили оружие, при этом шесть человек были убиты, семь ранены. Выжившие участники собрания предстали перед военным судом — А.Л. Гаусмана, Н.Л. Зотова и Л.М. Коган-Бернштейна повесили, остальным вынесли каторжные приговоры [3, с. 187].

Чем жила иркутская колония ссыльных в конце 1880 — начале 1890-х гг.? — Самыми разными событиями. Много шума, к примеру, наделал проезд в Иркутск в 1888 г. генерала Русинова с личным поручением, как говорили, царя Александра III. Целью проезда по официальной версии было исследование быта и материального положения ссыльных, размещенных на территории губернии. На самом деле, встречаясь с «политиками», генерал предлагал им подать прошение на высочайшее имя, в котором следовало раскаяться в содеянном и попросить о сокращении срока наказания. Надо сказать, что ссыль-

ных, писавших письма с просьбой облегчения своей участи, называли «подаванцами». К таким людям всегда относились с демонстративным презрением, а после 1917 г. землячества Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев стали выявлять подобных «революционеров» и подвергать показательному товарищескому суду.

Предложение генерала возмутило всю иркутскую колонию. Сознательно вступив в борьбу с самодержавием, большинство революционеров и в ссылке не изменило своих убеждений. Да и с формальной стороны дела, было совершенно непонятно, за что просить прощения у царя, ведь административно-ссылным (а таких в городе было большинство), отправленным в Сибирь без суда, обвинения не предъявлялись, их высылали в основном «в порядке чрезвычайной и усиленной охраны» по Положению 1882 года. Как пишет Попов, миссия генерала потерпела неудачу, и автор не припоминал, «чтобы кто-нибудь подал желательное для генерала прошение». Более того, многие «наговорили Русинову неприятностей, кое-кто обругал его и этим ухудшил свое положение», получив перевод в «гиблые места» [8, с. 122].

Летом 1888 г. ссылканая колония в Иркутске жила также слухами, распространяемыми вокруг открытия в Томске университета. Предполагалось, по воспоминаниям И.И. Попова, что в связи с этим событием, из Томска будут высланы все неблагонадежные ссылкиные, при этом, вряд ли их отправят на запад, скорее всего, на восток, и возможно, в отдаленные места Иркутской губернии, а может, кого-то даже и в Иркутск. К всеобщему сожалению ссылкиных слух не оправдался, однако иркутская колония еще долго не теряла надежды увидеть томских товарищ-народников [8, с. 123].

В эти годы иркутские ссылкиные жили в постоянных спорах и дискуссиях. Обсуждение политических проблем, задач и перспектив народнического и социалистического движения объединяло ссылкиных, давало возможность почувствовать себя на далекой сибирской окраине единым коллективом. Одним из таких дискуссионных вопросов стала позиция в отношении русского и сибирского крестьянина. Кто из них был более «социалистом по природе»? Поводом к дискуссии стал приезд в Иркутск в 1888 г. двух статистиков — Н.М. Астырева и Л.С. Личкова. Они были приглашены в качестве исследователей населения региона, «для большой статистической работы», — как указывает И.И. Попов. Статистикам требовались «свежие силы», в качестве которых стали приглашать на службу и ссылкиных. Вот тут-то и возник, по всей видимости, никогда не прекращавшийся, всегда «тлевший» спор о крестьянине.

Колония быстро разделилась на два лагеря. Один объединился вокруг Н.М. Ядринцева, полагавшего, что сибирский крестьянин по природе своей свободолюбив и независим, а значит, практически готовый социалист. Другие примкнули к Н.М. Астыреву, считавшему сибиряка

большим эгоистом, живущим исключительно для собственного блага, нещадно эксплуатирующим у себя уголовного поселщика ссыльного. Собственно, это была позиция Г.Н. Потанина, тонко подметившего и описавшего незадолго до этого подлинную социальную войну в сибирской деревне: «Между крестьянами и поселщиками идет борьба, немолкающая, ожесточенная, — писал Потанин в «Восточном обозрении» в 1884 г. — Материальная победа в борьбе всегда остается на стороне сибиряка. Посельщик беден, лишен некоторых прав, деморализован, тогда как его противник находится у себя дома, обладает всеми правами и богаче. Сибиряк вытопчет у поселщика хлеб в поле, выкосит часть его лугов, захватит долю его земли — поселщик бессилён бороться. Сибиряк держит его в экономической зависимости, играя по отношению к нему роль кулака. Таким образом, в сибирской деревне есть два сословия: местные крестьяне — господствующее сословие и поселщики — подчиненное. ...Придя в деревню голым, бездомным и голодным, поселщик рад всякой работе. Какова же его радость, когда ему дают избу, лошадь, корову, утварь с одним лишь условием — работать бесплатно на давальца — рабство» [6, с. 3].

Со временем дискуссия раздвинула первоначальные рамки и вылилась в выяснение большого и весьма болезненного для всех ссыльных вопроса — «что лучше — Сибирь или Россия?» Сибирь для местного общественного деятеля, пропитанного областническим духом, была, конечно, лучше. Это Россия, — считали областники, — выступая как метрополия, превратила ее в колонию, в «клоаку», куда сливала все свои «нечистоты». Местная интеллигенция на протяжении многих десятилетий боролась с Петербургом за свою социально-политическую независимость. В этой борьбе политическая ссылка должна, казалось бы, занять сторону «сибирских сепаратистов». Однако этого не происходило, дух областничества был чужд большинству ссыльных, стремившихся как можно быстрее вырваться из объятий негостеприимной Сибири и уехать в Россию.

Как следует из воспоминаний Попова, «Астырев остался при своих взглядах и в своих «Таежных прогалинах» отдал предпочтение русскому мужику перед сибирским». И Н.М. Ядринцев также не изменил своего отношения к крестьянину-сибиряку, стараясь замечать в нем только хорошие качества. Автор не принимал участия в дискуссии, категорично посчитав «такие споры бесцельной тратой времени». Может быть, И.И. Попов уже тогда, в конце 1880-х гг., осознал, что зажиточный и материально независимый, никогда не знавший крепостного права сибирский крестьянин, был похож скорее на североамериканского фермера — потому и не воспринимал никакой социалистической пропаганды [8, с. 123].

В 1895 г. в Иркутск прибыл для прохождения административной ссылки Л.Б. Красин. По всей видимости, он был здесь первым соци-

ал-демократом, как пишет Попов, «первой ласточкой социал-демократической весны». Его приезд значительно обогатил и расширил дискуссии о формах и методах борьбы с царизмом. Впервые народническая доктрина крестьянской социалистической революции соприкоснулась с марксистской, что вызвало горячие споры ссыльных не только в Иркутске, но и по Сибири в целом [9, с. 45].

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться здесь на всех сюжетах насыщенной и богатой на события жизни политической ссылки Иркутска, о которых пишет И.И. Попов в своих воспоминаниях. Перечислим их здесь хотя бы тезисно. Это приезд в город Дж. Кеннана (1888), реакция ссыльных на Карийскую трагедию 1889 года и избиение студентов в Санкт-Петербурге, пребывание в Иркутске Кулябко-Корецкого и обсуждение его лекций, волнения в пересыльной Александровской тюрьме (1902), убийство политссыльным М.Н. Минским конвойного офицера Н.А. Сикорского на этапе в Якутск (1904), смерть и похороны М.В. Заголкина (1904), романовский протест ссыльных в Якутии (1904), события первой русской революции в Иркутске, в которых Попов принимал самое активное участие. Как видим, воспоминания И.И. Попова — ценнейший и незаменимый источник для исследования политической истории Иркутска и губернии 1880–1900-х гг.

Список использованной литературы и источников

1. Ветошкин М. Сибирские большевики в период первой русской революции / М. Ветошкин. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1939. — 232 с.
2. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 600. — Оп. Оц. — Д. 57.
3. Кантор Р. Памяти Вик. Павл. Кранихфельда (к истории Якутской драмы 1889 г.) / Р. Кантор // Каторга и ссылка. — 1922. — № 4. — С. 185–187.
4. Кроль М. А. Страницы моей жизни / М. А. Кроль. — М.-Иерусалим : Мосты культуры, 2008. — 740 с.
5. Мандельберг В. Е. Из пережитого Виктора Мандельберга (быв. члена 2-ой Госуд. Думы) / В. Е. Мандельберг. — Давос : Книгоиздательство «За рубежом», 1910. — 145 с.
6. П. Российские люди в Сибири / П. // Восточное обозрение. — 1884. — № 14.
7. Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 384 с.
8. Попов И. И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет) / И. И. Попов. — Л. : Изд-во «Колос», 1924. — Ч. 2: Сибирь и эмиграция. — 290 с.
9. Попов И. И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. Серия Русские мемуары: воспоминания, дневники, письма и материалы по истории литературы, общественной мысли и быта / И. И. Попов; под общ. ред. В. И. Невского. — М. ; Л. : Асадетиа, 1933. — 215 с.
10. Попов И. И. Речь, произнесенная в Восточно-Сибирском отделе по случаю пятидесятилетия юбилея ИРГО / И. И. Попов // Сибирский сборник. — 1896. — Вып. 1. — С. 104–111.
11. Шумяцкий Б. З. Сибирь на путях к Октябрю / Б. З. Шумяцкий. — 2-е изд. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 416 с.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и регионоведения исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Alexander A. Ivanov — Doctor habil. (History), Professor of Department of History, Political Science and Regional Studies, Irkutsk State University, 1 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ottisk@irmail.ru.

УДК 281.9(5)
ББК 86.37(5)

Н.Н. КОРНИЕНКО

**ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

В статье автор анализирует особенности процесса осмысления исторического опыта миссионерской деятельности Русской православной церкви в странах Юго-Восточной Азии отечественными церковными исследователями.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссия, историография, Юго-Восточная Азия.

N.N. KORNIENKO

**CHURCH HISTORIOGRAPHY OF MISSIONARY ACTIVITY
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN SOUTH-EAST ASIAN COUNTRIES**

In the article the author analyzes the features of the process of understanding the historical experience of the missionary activity Russian Orthodox Church in the South-East Asian countries by home secular researchers.

Keywords: Russian Orthodox Church, the mission, historiography, South-Eastern Asia.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви (РПЦ) в странах Юго-Восточной Азии является многоаспектным объектом изучения, который нельзя рассматривать исключительно с богословской и религиозной точек зрения. Без рассмотрения исторического контекста православного миссионерского опыта и учета влияния на него ряда факторов (цивилизационного, государственного, церковного, личного)